А.Ю. Зеленская*

КЛАД КАМЕННЫХ ЗАГОТОВОК
С РЕКИ ИГАНДЖА НА ВЕРХНЕЙ КОЛЫМЕ:
КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КЛАДОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ

В статье рассматриваются проблемы выделения и «прочтения» кладов каменного века на основе анализа скопления каменных заготовок с р. Иганджа. Несмотря на малочисленность неолитических кладов на Северо-Востоке Азии, были определены некоторые закономерности в процессе производства этих заготовок (ударная грубая краевая ретушь), а также выборе места их расположения (на холмах и террасах недалеко от водных ресурсов). Техничко-типологический анализ иганджинских заготовок позволил идентифицировать данное скопление как охотничий клад и предварительно определить его культурно-хронологическую принадлежность к позднеолитической ымяхтахской культуре периода II-I тыс. до н.э.

Ключевые слова: клад, каменные заготовки, Колыма, Чукотка, поздний неолит, бифасы, напильниковидные трехгранники

Stone blanks cache from the Igandzha River on the Upper Kolyma: cultural and chronological attribution in comparison with the Neolithic caches of Northeast Asia. ALISA Yu. ZELENSKAYA (N.A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

Basing on the study of the stone blanks cache from the Igandzha River, discovered in 2017, the article analyzes the concept of «cache» and discusses the main types of the Stone Age caches (personal, hunting, sacred, etc.). Most of the stone blanks from the cache are represented by blanks of arrowheads, spears or darts. Based on the results of topographic and stratigraphic analysis, the author identifies this cluster of artifacts as a hunting cache. The comparative analysis of the tools in the context of other Northeast Asian caches allows to determine its cultural and chronological affiliation to the Late Neolithic Ymyyakhtakh culture of II-I millennium BC. The author concludes that the stone blanks cache from the Igandzha River provides valuable information on the Late Neolithic Upper Kolyma, as well as on the way of life of ancient tribes in this area.

Keywords: cache, stone blanks, Kolyma, Chukotka, late Stone Age, bifaces, file shape points

Введение

Клад представляет из себя совокупность ценных (с точки зрения его создателя) материальных объектов, которые надежно укрывались в тайнике с определенной целью. Считается,

что это «исключительные объекты, сгруппированные в ограниченном пространстве» [23, р. 237]. Археологический клад орудий каменного века является в большинстве случаев довольно спорной дефиницией, в силу разной семан-

* ЗЕЛЕНСКАЯ Алиса Юрьевна, младший научный сотрудник Лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: zelenskaya@neisri.ru

© Зеленская А.Ю., 2018

тической наполненности, которую вкладывают в это понятие исследователи. Достаточно часто под «кладом» понимается склад вещей, найденных в границах одной стоянки и имеющих тот же культурно-хронологический и технологический облик, что и материал стоянки. Такое толкование скоплений без должного скептицизма приводит к приумножению находок кладов. Для таких выводов необходимо тщательное изучение планиграфии и микростратиграфии расположения клада относительно стоянки, а также состава и распространения его элементов.

Еще одним довольно спорным моментом в изучении кладов орудий является их сакрализация, не имеющая под собой объективную материальную доказательную базу (наличие особой орнаментации на бытовых предметах, присутствие культовых вещей/амулетов и пр.).

В археологической литературе, посвященной анализу кладов, зачастую можно встретить авторские варианты типологии кладов каменного века [1; 10; 17; 21; 26]. В большинстве своем все это многообразие можно свести к четырем основным типам, подходящим для характеристики кладов на территории Северо-Востока Азии: личные клады (в т.ч. «ранцевые наборы» (термин дан по [9, с. 126])), ритуальные клады (т.н. votivnye dary), охотничьи клады (располагаются в стратегически выгодном месте для ведения охоты) и обменные клады (предназначенные для натурального обмена дефицитным сырьем между племенами).

Некоторые исследователи относят ккладам сакрального порядка погребальный инвентарь, который представляет собой скопления вещей в различных частях костяка или рядом с ним [4; 11; 27]. В своем исследовании мы придерживаемся мнения, что погребальный инвентарь не может выступать в качестве клада [2, с. 111; 28, р. 88], т.к. депонирование клада производилось в первую очередь с целью его сокрытия. В то же время погребения зачастую были легко различимы на поверхности (курганное насыпи, каменные кладки, стелы, в т.ч. сооружения, не сохранившиеся до наших дней – из костей крупных животных и морских млекопитающих, срубы-домики, арангасы и проч.), что в свою очередь породило в археологической науке целую дискуссию о проблеме преднамеренного разрушения (напр., с целью нанести вред врагу или, наоборот, обезопасить себя от мести загробных духов) или разграбления могил (в первую очередь – ради изъятия металлических изделий) [14; 13; 22]. В этой связи основная цель

сотворения клада (а именно – прятанье ценных вещей) теряется: зачем нужен клад, который так легко найти чужаку? Поэтому ритуальным типом клада вполне логично считать сакральные скопления (амулеты, украшения, уникальные по своему виду и материалу орудия и проч.), залегающие вне могильных комплексов.

В нашей статье под понятием «клад» мы будем подразумевать скопление находок на небольшой площади, без отходов производства, имеющих единый культурно-хронологический и технологический облик и располагающихся вне стоянок и погребений.

Характеристика клада с р. Иганджа

В 2017 г. в ходе проведения рекогносцировочных работ в Магаданской области было обнаружено скопление каменных заготовок на р. Иганджа (Рис. 1). Долина р. Иганджа (правый приток р. Армань) располагается на территории Континентального Приохотья, недалеко от Охотско-Колымского водораздела. Река Иганджа (Игандя – на картах 1960-х – 1970-х гг.) протекает в горной местности с террасированными склонами. Окружающие горы поднимаются в высоту до 1000-1300 м над уровнем моря. В среднем течении р. Иганджа в нее впадает река Бэргэндя, ниже устья которой, вдоль левого берега р. Иганджа, тянется невысокая (1,5-2 м) первая надпойменная терраса. От террасы до реки простирается широкий участок сильно обводненной (кочковатой) высокой поймы, на которой формируется многолетняя наледь. Терраса шириной ок. 300 м с северо-запада ограничена пологим склоном сопки. Поверхность террасы покрыта редколесьем, местами пропашана посевами лиственницы. По террасе, вдоль ее кромки, проходит грунтовая дорога.

Стоит отметить, что в относительной близости от местонахождения клада в 10 км (по прямой) у пос. Мадаун при впадении реки Магадавен в реку Армань известен палеолитический памятник [3], а в 40 км от иганджинского клада располагается комплекс неолитических стоянок на Ольском плато (стоянки Хуренджа, Нил) [19].

В 2017 г. на террасе в обнажении, образованном колеями дороги, был обнаружен фрагмент заготовки орудия (инв. № 16). На месте находки были произведены раскопки на площади в 1 кв. м, где было выявлено скопление артефактов, которое впоследствии было интерпретировано как клад. Других подъемных находок на территории местонахождения клада найдено не было.

Рис. 1. Топографический план месторасположения Иганджинского клада (Магаданская обл.). М. 1 : 1000

Всего найдено 20 артефактов, из которых 16 изделий целых и 4 фрагмента (судя по характеру сломов, повреждения были нанесены проезжающим по дороге транспортом). Выявлена следующая стратиграфия шурфа (по западной стенке) (Рис. 2): 1. почвенно-растительный слой с березняком, мхами и ягелем мощностью 2-3 см; 2. серая гумусированная супесь мощностью 5 см; 3. светло-коричневые супесчаные отложения – 5 см. 4. материк – грубообломочный материал с преобладанием галечника аллювиального происхождения. Находки сконцентрированы по центру шурфа (1х1 м) и залежали в отложениях террасы от дневной поверхности до глубины 12 см.

Найденные орудия изготовлены из плитчатых отдельностей ороговикованного аргиллита разных цветов: от светло-серого с медно-оранжевой коркой до бурого. Сырье, из которого изготовлены артефакты, вероятнее всего, было получено из пород, слагающих близлежащие отроги гор. Согласно геологической карте, эти породы представлены ороговикованными и глинистыми песчаниками, алевролитами и аргиллитами [5].

Предметный комплекс клада составляют: заготовки наконечников стрел/дротиков/копий (11 шт.), заготовки трехгранных напильниковидных наконечников/резцов (2 шт.), заготовка с трапециевидным сечением (1 шт.), заготовка

орудия на тонком отщепе (1 шт.), заготовка орудия на пластине (1 шт.) и 4 фрагмента заготовок орудий (Рис. 3, 4).

На большинстве изделий сохранились естественные грани плоскости кливажа сланцевых отдельностей и фрагменты корковой поверхности каменной плитки, а также характерные сколы десквамации.

Половина коллекции клада – это заготовки наконечников стрел/дротиков/копий. По морфометрическим особенностям эту категорию можно разделить на 3 группы: заготовки подтрапециевидной формы, листовидные и трехгранные напильниковидные.

1. Листовидные заготовки (7 шт., рис. 3, № 5-11) длиной 5,5-7 см и шириной 3,5 см (1 экз. – 10,5 x 3,9 см) имеют поперечное сечение уплощенно-линзовидное, зачастую ассиметричное. 6 заготовок имеют одинаковый характер обработки – боковые лезвия и основание обработаны унифасиально с противоположных сторон: с одной стороны, как правило, плоской, крупной, стелящейся ретушью, с другой – более мелкой, крутой, удлиненной. Иногда можно проследить 2-3 негатива скола от подправки края и с обратной стороны лезвия. В итоге продольные режущие края таких заготовок получаются пильчатыми, недоработанными. Одна листовидная заготовка (инв. № 14) отличается бифаси-

Рис. 2. План расположения находок и стратиграфия Иганджинского клада

Рис. 3. Иганджинский клад (1-4 – подтрапцевидные заготовки орудий, 5-11 – листовидные заготовки орудий)

Рис. 4. Иганджинский клад (1 – заготовка орудия на пластине, 2 – заготовка с трапецевидным сечением, 3 – фрагментированная заготовка, 4 – заготовка на отщепе, 5-6 – трехгранные напильниковидные заготовки, 7 – фрагмент заготовки, острие, 8-9 – фрагменты заготовок орудий)

альной обработкой крупнофасеточной ретушью, а также мелкой краевой ретушью лезвия.

2. *Заготовки подтрапецевидной формы* (4 шт, рис. 3, № 1-4) длиной 6-7 см и шириной 3,5-4 см (1 экз. – 11 x 4,3 см) имеют асимметричное подпрямоугольное или линзовидное поперечное сечение. Характер обработки такой же, как и у заготовок листовидной формы, – противоположная унифасиальная обработка боковых лезвий. Широкое основание и зауженный конец также обрабатывались с одной стороны. На двух экземплярах прослеживается на локальных участках мелкофасеточная ретушь.

3. *Трехгранные напильниковидные заготовки* (2 шт, рис. 4, № 5-6) длиной 6,5-7 см имеют сечение правильного равностороннего треугольника (ширина сторон от 1,8 до 2 см). У одной заготовки две из сторон сохраняют естественную поверхность плитки (на одной из них имеется ретушь с концов), третья сторона об-

разована крупными ударными снятиями, в сочетании с мелкой ретушью по краю. У другой трехгранной заготовки две стороны покрыты крупнофасеточной ретушью, их сочленение образует зигзагообразное ребро, третья сторона представлена необработанной поверхностью плитки камня. У обоих изделий два противоположных конца заужены. Такие заготовки могли служить основой для изготовления трехгранных напильниковидных наконечников, или же резцов с трехгранной рукояткой.

Заготовка с трапецевидным сечением (размеры 8,2 x 3,2 x 2,9 см, рис. 4, № 2) изготовлена на бруске плитчатой отдельности. Одна из сторон заготовки представлена поверхностью кливажа породы, противоположная и боковые стороны имеют негативы крупных нерегулярных пластинчатых сколов.

Заготовка орудия на тонком отщепе (размеры 5,3 x 3,7 x 1 см, рис. 4, № 4) имеет подпрямоу-

гольную форму в плане и уплощенно-линзовидную в поперечном сечении. На проксимальном конце фиксируется фасетированная отжимная площадка. По кромке заготовки прослеживается нерегулярная мелкая краевая ретушь.

Заготовка орудия на пластине (размеры 9,2 x 3,1 x 1,1 см, рис. 4, № 1) имеет уплощенное асимметрично-ромбическое сечение. Одна сторона представлена естественной поверхностью пластины с 1 продольной гранью. Вторая сторона имеет две плоскости: одна с негативами от первичной обработки плитки, другая образована десквамационным сколом. Один конец пластины слегка заузен.

Среди фрагментов заготовок орудий (4 шт., рис. 4, № 3, 7, 8, 9) особого внимания, в силу сохранности своей формы минимум на 2/3, заслуживают 2 экземпляра:

1. Острие без основания (5,3 x 3,4 x 1,2 см, рис. 4, № 7) имеет линзовидное поперечное сечение и бифасиальную обработку крутой крупной ударной ретушью, нанесенной с краев заготовки к центру. На одной из сторон центральная часть представлена фрагментом корковой поверхностью камня. На обратной стороне в центральной части острия – негатив крупного уплощающего скола.

2. Фрагмент заготовки, предположительно листовидной формы (6,8 x 2,6 x 1 см, рис. 4, № 3) и усечено-линзовидной в поперечном сечении. У орудия сломано острие и часть лезвия. На обеих сторонах заготовки – фрагменты корковой поверхности камня. По сохранившемуся лезвию идет попеременная крупнофасеточная ретушь.

Таким образом, оба эти фрагмента, исходя из их морфологических особенностей, можно косвенно отнести к заготовкам листовидной формы.

Большинство найденных изделий имеет грубофасетированную поверхность в сочетании с фрагментами ровной плоскости первичных сколов плитчатой отдельности и/или необработанной естественной корки камня. Как правило, на месте негатива скола от точки приложения удара отмечается сильный раковистый излом. Вторичная подправка лезвий встречается редко и носит нерегулярный, попеременный характер.

Неолитические клады Северо-Востока Азии

На Северо-Востоке Азии известно несколько находок скоплений каменных изделий, обозначенных исследователями как клады [7; 8; 15; 16; 19].

В верховьях р. Сугой (правый приток р. Колымы), на стоянке Хетагчан II, на пологой

вершине сопки было найдено компактное (на площади 1 кв. м) скопление бифасов (более 20 штук) на глубине 10-15 см от дневной поверхности [19]. Отсутствие отходов производства и плотная компоновка изделий в слое позволяют классифицировать данное скопление как клад древнего человека. Бифасы от 7 до 12 см длиной из желтого окремнелого туфа, листовидной или подтреугольной формы, обработаны крупнофасеточной ретушью (не всегда регулярной) с включением фрагментов необработанной корковой поверхности или поверхности первичного отщепка. Представленное скопление бифасов во многом перекликается по характеру обработки камня с кладом с р. Иганджа и ярко иллюстрирует некоторую закономерность в появлении подобных кладов заготовок, несущих явную практическую значимость.

На Колыме, в верховьях р. Омолон, на ст. большой Эльгахчан I, в 1991 г. был обнаружен клад («сумка охотника») из 265 предметов из окремнелых пород, роговика и халцедона (микровкладыши на ножевидных пластинах, вкладыши, наконечники стрел и дротиков, пилки, комбинированные орудия, 2 скребка, крупный нож-клинок, тесло, резец, абразив и два изделия из бронзы). Наиболее представительной частью коллекции являются наконечники – бесчерешковые треугольные, листовидные, трехгранные напильниковидные. Техничко-типологический анализ этого комплекса позволяет отнести его к северному варианту ымыяхтахской культуры и датировать первой половиной II тыс. до н.э. [7].

В центральной части Анадырского плоскогорья в 1955 г. на берегу оз. Эльгыгытгын геологами был обнаружен склад более 50 орудий на площади в 1 кв. м. Более 30 из них было проанализировано Н.Н. Диковым, который определил данный клад как мастерскую (по наличию отщепов, чешуек, сколов) с полностью законченным ансамблем орудий. На основе совокупности внешних признаков, Н.Н. Диков выделил 6 типов орудий: листовидные острия, скребки-ножи, клинки, однолезвийные ножи-скребла, комбинированные резчики и резцеvidные инструменты [16]. Подробную характеристику 20-ти другим предметам из клада дал А.П. Окладников, который идентифицировал это скопление как тайник заготовок орудий древнего мастера [15]. А.П. Окладников выделил характерные особенности технологии изготовления каменных клинков из этого клада. Одно из лезвий клинка обрабатывалось унифасиально, с обратной стороны лезвие иногда

было подправлено одним-двумя продольными сколами; на втором боковом лезвии прослеживались следы бифасиальной обработки. Вторая особенность – одна сторона заготовки была обработана практически во всю длину, тогда как вторая – «оставлена почти без обработки» [15, с. 108]. Эта технология обработки имеет сходство с производственными особенностями изготовления листовидных и подтрапециевидных заготовок с р. Иганджа. Это наталкивает на мысль, что оба эти клада, возможно, были изготовлены носителями одной технологической традиции. Несмотря на разную классификацию предметов, представленную в публикациях А.П. Окладникова и Н.Н. Дикова, данное скопление вещей имеет единый композиционный облик, изготовлено из плиток сероватого кремневого сланца и представлено грубо обработанными заготовками наконечников стрел и копий, ножей, скребков, резцов и резчиков.

В 1996 г. на стоянке Верхнетытыльская IV в пункте I (Западная Чукотка) в центральной части восточного побережья оз. Тытыль был обнаружен клад (Верхнетытыльский клад №1) [8]. Преобладающая часть вещей была изготовлена из некачественного сланца и представлена законченным ансамблем наконечников (26 экз.) т.н. айонского типа [20]. По морфологии данных наконечников этот клад был отнесен к северочукотской культуре II (III?) – нач. I тыс. до н.э. Позднее на той же стоянке при зачистке северной части раскопа было обнаружено еще одно скопление орудий (Верхнетытыльский клад №2). Данный клад состоял из 87 предметов, представленных грубо обработанными крупными заготовками и их фрагментами. Характер обработки, формы и типы каменного инвентаря данного клада обнаруживают много общего с коллекцией каменных орудий с р. Иганджа: грубо обработанные заготовки копий, стрел, дротиков, бифасов, резцов с трехгранными рукоятками и т.п. Стоит отметить, что в Верхнетытыльском кладе №2, как и в кладе №1, присутствуют заготовки и законченные экземпляры наконечников айонского типа, что является характерным маркером поздненеолитической северочукотской культуры.

Таким образом, наиболее близкие аналогии в типах инвентаря и характере обработки камня обнаруживаются с кладами со стоянок Хетагчан II, Верхнетытыльская IV (клад №2) и кладом с оз. Эльгыгытгын, что, предположительно, определяет принадлежность этого скопления к носителям ымыяхтахской или северочукотской поздненеолитических культур II-I тыс. до н.э.

Обсуждение материалов

Данный компактный закрытый комплекс вещей с р. Иганджа, идентифицируемый нами как «клад», несет для исследователя более ограниченную информацию, нежели культурные остатки поселенческих стоянок. Вместе с тем эта информация более конкретна, если касаться анализа отдельных аспектов жизнеобеспечения древнего человека. В отличие от набора инвентаря стоянок, в котором могли сохраняться реликвии (выступающие в качестве сакральных фетишей), предметы заимствования и культурного обмена, индивидуальный набор клада несет на себе опечаток обстановки его создания – «здесь и сейчас». При определении культурной атрибуции такого материала эта особенность может являться как помехой – если клад создавался носителями неизвестной субкультуры, так и наоборот, хорошей подсказкой – в силу «чистоты» орудийного набора, исключающего обнаружение случайных предметов в комплексе.

По мнению некоторых исследователей, клад каменного века является индикатором индивидуальности [9; 12], потому что отображает личный выбор, предпочтения индивида при отборе каменного сырья, выборе способа его обработки, при изготовлении определенных типов орудий для последующего сохранения и использования. Этот тезис об индивидуальном трансформируется в понятие о личной собственности, т.к. клад формировался набором именно личных вещей. В этой связи интересно вернуться к типологии кладов, т.к. ритуальный клад мог быть создан всей общиной или некоторым кругом избранных лиц, в то время как создание других типов кладов (личные, обменные, охотничьи) является отражением сугубо личных предпочтений создателя. Иганджинский клад, бесспорно, был создан одним мастером, в пользу чего говорит и единообразие обработки заготовок – противояжающая унифасиальная обработка боковых лезвий ударной ретушью.

Иганджинский клад располагался на первой невысокой надпойменной террасе, с которой открывается обширный вид на протяженную пойму реки, куда могли приходить на водопой северные олени или лоси, а преобладание в кладе заготовок острий (как отмечалось выше) лишь подталкивает к мысли о неслучайном выборе места для расположения данного клада. Такая стратегически выгодная закладка орудий иллюстрирует довольно размеренный и стабильный быт древнего человека на этой

территории. Люди не один сезон наблюдали за передвижением животных, замечали их тропы и планировали свою охотничью деятельность заранее, приносили с месторождений кремневого сырья на сопках подходящий по своим качествам материал (в то время как поблизости в изобилии лежала речная галька, не пригодная для качественного расщепления) и изготавливали из него полуфабрикаты охотничьих орудий (которые затем укрывали в земле). За этим кладом древние охотники планировали вернуться и воспользоваться им непосредственно на этом месте. Такие «хранилища сырья и/или инструментов обнаруживаются на участках, где запланированы определенные мероприятия, такие как сезонная охота на путях передвижения стадных животных» [24, р. 271].

Все это свидетельствует о том, что люди, оставившие этот клад, достаточно долгое время проживали на определенной территории, из чего следует, что для внутриконтинентальных племен Колымы в позднем неолите была свойственна «относительная оседлость» (термин дан по: [6, с. 198]) образа жизни.

Заключение

Таким образом, анализ склада заготовок каменных орудий у р. Иганджа позволяет сделать следующие предварительные выводы:

Данное собрание вещей располагалось обособленно, контрольная прокопка до материка не выявила следов расположения здесь стационарной стоянки. Ввиду отсутствия каких-либо следов от построек, сооружений, очага, можно охарактеризовать данное скопление как целенаправленно сокрытое.

Ряд выявленных особенностей позволяет идентифицировать данное скопление как клад древнего человека: все вещи располагались изолированно единым компактным слоем на площади в 1 кв. м (закрытый комплекс); не было обнаружено отходов производства (что характерно для одномоментной закладки, без признаков расположения на этом месте стационарной мастерской или стоянки); собрание представлено серией однотипных артефактов с единообразной обработкой (эта особенность позволяет отнести их по принадлежности к одному автору).

Характер набора отложенных изделий в данном кладе – преобладание острий для последующего преобразования их в наконечники стрел/дротиков или копий, свидетельствует об охотничьем характере этой закладки.

Клады каменных заготовок играли важную роль в стратегии выживания древнего человека, такая тактика не только облегчала транспортировку сырья к месту назначения (в данном случае – к месту охоты), но и служила созданию важного сырьевого хранилища для «снижения риска материального дефицита» [25, р. 267].

Для более полной культурно-хронологической атрибуции данного скопления и определения его роли в ряде культур каменного века Северо-Востока Азии необходимы дальнейшие полевые изыскания на территории его местонахождения, а также пересмотр известных скоплений каменного века Северо-Востока Азии на предмет их возможной интерпретации в контексте кладов древнего человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арцыбашева Т.Н. Клад и кладоискательство в этимологии, типологии и современной жизни // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. 2015. №1. С. 1-9.
2. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М.: Прогресс, 1990.
3. Воробей И.Е. Устье Магадавена I – позднелептонеолитическое местонахождение в верховьях р. Армань // V Диковские чтения. Магадан: СВКНИИ, 2008. С. 66-68.
4. Гордиенко А.В. Радужнинский клад // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. №2. С. 63-74.
5. Государственная геологическая карта. Масштаб 1:200000 (новая серия). Лист Р-56-XXXI / Ред. И.Н. Котляр, В.Н. Смирнов; Авт. П.Н. Аноров, Г.М. Юдина, М.И. Зименко. СПб: КФ ВСЕГЕИ, 2001.
6. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1986.
7. Кирьяк М.А. Каменный век Чукотки. Магадан: Кордис, 2005.
8. Кирьяк М.А. Поздненеолитические клады Чукотки // Неолит и палеометалл севера Дальнего Востока. Магадан, 2006. С. 22-26.
9. Колесник А.В. Ранцевые наборы кремневых инструментов каменного века как отражение феномена индивидуальности (к постановке вопроса) // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2016. № 2. С. 122-128.
10. Колесник А.В. Эволюция взглядов на клады кремневой продукции юга Днепро-Донского междуречья: от сокровищ к культовым объектам // Stratum plus. 2018. №2. С. 259-271.

11. Костылева Е.Л., Уткин А.В. Волосовские ритуальные клады в составе погребальных комплексов (хронология и типология) // Тверской археологический сборник. 2011. Вып. 8. С. 340-360.
12. Леонова Н.Б., Виноградова Е.А. Специфические скопления культурных остатков на верхнепалеолитической стоянке Каменная Балка 2 // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. №18. С. 88-98.
13. Максименков Г.А. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 48-58.
14. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование. Ч. I, II. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
15. Окладников А.П., Некрасов И.А. Новые следы континентальной неолитической культуры на Чукотке (находки у озера Эльгытхын) // Советская археология. 1957. № 2. С. 102-114.
16. Саяпин А.К., Диков Н.Н. Древние следы каменного века на Чукотке (находки на берегу озера Эльгытхын) // Записки Чукотского краеведческого музея. 1958. Вып. 1. С. 17-31.
17. Сериков Ю.Б. Сакральный аспект кладов каменных изделий на территории Урала // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2016. Вып. IX. С. 7-29.
18. Слободин С.Б. Новые неолитические стоянки Верхнего Приколымья (стоянки на озере Хуренджа) // Краеведческие записки. 1988. Вып. 15. С. 127-137.
19. Слободин С.Б. Верхняя Колыма и Континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001.
20. Слободин С.Б. Распространение на Северо-Востоке Азии наконечников айонского типа и проблема районирования неолитических культур Чукотки // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. С. 93-94.
21. Табарев А.В. Палеоиндейские клады-тайники Северной Америки // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 3. С. 84-87.
22. Федосеева С.А. Диринг-Юряхский могильник (Ограбление могил и проблема зарождения первобытного атеизма) // Археология Якутии. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1988. С. 79-98.
23. Angevin, R. and Langlais, M., 2009. Où sont les lames? Enquête sur les «caches» et «dépôts» de lames du Magdalénien moyen (15 000 BP – 13 500 BP). In: Du matériel au spirituel: réalités archéologiques et historiques des "dépôts" de la Préhistoire à nos jours: XXIXe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Antibes, 2009, pp. 223-242.
24. Barkai, R. and Gopher, A., 2011. Two flint caches from a Lower-Middle Paleolithic flint extraction and workshop complex at Mount Pua, Israel. In: 2nd International Conference of the UISPP Commission on Flint Mining in Pre – and Protohistoric Times, Oxford: Archaeopress, pp. 265-274.
25. Huckell, B.B. and Kilby, J.D., 2014. Clovis caches: current perspectives and future directions. In: Graf, K.E., Ketron, C.V. and Waters, M.R. eds., 2014. Paleoamerican Odyssey. College Station: Texas A&M University Press, pp. 257-272.
26. Hurst, S., 2017. Territorial perspective on lithic caching: Insights from Garza Protohistoric (1450-1650 CE) caching strategies on the Southern Plains, USA. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1040618217303051>
27. Meltzer, D.J., 2009. First peoples in a New World: colonizing Ice Age America. Berkeley: University of California Press.
28. Peresani, M., 2009. The range of caching behavior among the past hunter-gatherers of Europe. In: Du matériel au spirituel: réalités archéologiques et historiques des "dépôts" de la Préhistoire à nos jours: XXIXe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Antibes, 2009, pp. 19-27.

REFERENCES

1. Artsybasheva, T.N., 2015. Klad i kladoiskatel'stvo v etimologii, tipologii i sovremennoi zhizni [Cache and cache hunt in etymology, typology and modern life], Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 1, pp. 1-9. (in Russ.)
2. Brei, U. and Tramp, D., 1990. Arkheologicheskii slovar' [Archaeological dictionary]. Moskva: Progress. (in Russ.)
3. Vorobey, I.E., 2008. Ust'e Magadavena I – pozdnepaleoliticheskoe mestonakhozhdenie v verkhov'iakh reki Arman' [Magadaven Mouth I – Late Paleolithic locality in the upper reaches of the Arman' River]. In: V Dikovskie chteniya. Magadan: SVKNII, pp. 66-68. (in Russ.)
4. Gordienko, A.V., 2007. Raduzhninskii klad [Raduzhnin cache]. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii, no. 2, pp. 63-74. (in Russ.)

5. Kotlyar, I.N. and Smirnov, V.N. eds., 2001. Gosudarstvennaya geologicheskaya karta [State geological map]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
6. Bromley, Yu.V. ed., 1986. Istoriya pervobytnogo obshchestva. Epokha pervobytnoi rodovoi obshchiny [History of the primitive society. The epoch of the bloodline]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
7. Kir'yak, M.A., 2005. Kamenniy vek Chukotki [The Stone Age of Chukotka]. Magadan: Kordis. (in Russ.)
8. Kir'yak, M.A., 2006. Pozdneneoliticheskie klady Chukotki [Late Neolithic caches of Chukotka]. In: Neolit i paleometall severa Dal'nego Vostoka. Magadan, pp. 22-26. (in Russ.)
9. Kolesnik, A.V., 2016. Rantsevye nabory kremnevykh instrumentov kamennogo veka kak otrazhenie fenomena individual'nosti (k postanovke voprosa) [Tool kits of Stone Age flint implements as a reflection of individuality phenomenon: formulating a question], Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23. Antropologiya, no. 2, pp. 122-128. (in Russ.)
10. Kolesnik, A.V., 2018. Evolyutsiya vzglyadov na klady kremnevoi produktsii yuga Dnepro-Don'skogo mezhdurech'ya: ot sokrovishek k kul'tovym ob'ektam [Evolution of views on the caches of flint objects in the South of the Dnieper-Don Interfluvium: from hidden treasures to cult objects], Stratum plus, no. 2, pp. 259-271. (in Russ.)
11. Kostyleva, E.L. and Utkin, A.V., 2011. Volosovskie ritual'nye klady v sostave pogrebal'nykh kompleksov (khronologiya i tipologiya) [The ritual hoards of the Volosovo Culture in burial complexes (chronology and typology)], Tverskoi arkheologicheskii sbornik, vyp. 8, pp. 340-360. (in Russ.)
12. Leonova, N.B. and Vinogradova, E.A., 2014. Spetsificheskie skopleniya kul'turnykh ostatkov na verkhnepaleoliticheskoi stoyanke Kamennaya Balka 2 [Specific accumulations of cultural remains in the Upper Paleolithic site Kamennaya Balka 2], Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta, no. 18, pp. 88-98. (in Russ.)
13. Maksimenkov, G.A., 1975. Sovremennoe sostoyanie voprosa o periodizatsii epokhi bronzy Minusinskoi kotloviny [The current state of the question of the Bronze Age periodization of the Minusinsk Basin]. In: Pervobytnaya arkheologiya Sibiri. Leningrad, pp. 48-58. (in Russ.)
14. Okladnikov, A.P., 1950. Neolit i bronzoviy vek Pribaikal'ya: Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie. Ch. I, II [Neolithic and Bronze Age of the Baikal region: historical and archaeological research. Part I, II]. Moskva-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (in Russ.)
15. Okladnikov, A.P. and Nekrasov, I.A., 1957. Novye sledy kontinental'noi neoliticheskoi kul'tury na Chukotke (nakhodki u ozera El'gytkhyn) [New traces of the continental Neolithic culture in Chukotka (artefacts from Elgytkhyn Lake)], Sovetskaya arkheologiya, no. 2, pp. 102-114. (in Russ.)
16. Sayapin, A.K. and Dikov, N.N., 1958. Drevnie sledy kamennogo veka na Chukotke (nakhodki na beregu ozera El'gygytgyn) [Ancient traces of the Stone Age in Chukotka (artefacts on Elgygytgyn Lake)], Zapiski Chukotskogo kraevedcheskogo muzeya, vyp. 1, pp. 17-31. (in Russ.)
17. Serikov, Yu.B., 2016. Sakral'niy aspekt kladov kamennykh izdelii na territorii Urala [Sacral aspect of the buried treasures of stone artefacts on the territory of Ural], Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive, vyp. IX, pp. 7-29. (in Russ.)
18. Slobodin, S.B., 1988. Novye neoliticheskie stoyanki Verkhnego Prikolym'ya (stoyanki na ozere Khurendzha) [New Neolithic sites of Upper Prikolymye (sites at Khurendzha Lake)], Kraevedcheskie zapiski, vyp. 15, pp. 127-137. (in Russ.)
19. Slobodin, S.B., 2001. Verkhnyaya Kolyma i Kontinental'noe Priokhot'e v epokhu neolita i rannego metalla [The Upper Kolyma and Continental Priokhotye in the Neolithic and Early Metal epoch]. Magadan: SVKNII DVO RAN. (in Russ.)
20. Slobodin, S.B., 2003. Rasprostraneniye na Severo-Vostoke Azii nakonechnikov ayonskogo tipa i problema raionirovaniya neoliticheskikh kul'tur Chukotki [The spread of Ayonskiy type harpoon tips over North-East Asia and the issue of zoning Neolithic culture in Chukotka]. In: Kul'tura Sibiri i sopredel'nykh territorii v proshlom i nastoyashchem. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, pp. 93-94. (in Russ.)
21. Tabarev, A.V., 1999. Paleoindeiskie klady-tainiki Severnoi Ameriki [Paleo-Indian caches of North America], Gumanitarnye nauki v Sibiri, no. 3, pp. 84-87. (in Russ.)
22. Fedoseeva, S.A., 1988. Diring-Yuryakhskii mogil'nik (Ograblenie mogil' i problema zarozhdeniya pervobytnogo ateizma) [Deering Yuryakh burial ground (Grave robbery and the problem of the birth of primitive atheism)]. In:

Arkheologiya Yakutii. Yakutsk: Izd-vo YaGU, pp. 79-98. (in Russ.)

23. Angevin, R. and Langlais, M., 2009. Où sont les lames? Enquête sur les «caches» et «dépôts» de lames du Magdalénien moyen (15 000 BP – 13 500 BP). In: Du matériel au spirituel: réalités archéologiques et historiques des "dépôts" de la Préhistoire à nos jours: XXIXe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Antibes, 2009, pp. 223-242.

24. Barkai, R. and Gopher, A., 2011. Two flint caches from a Lower-Middle Paleolithic flint extraction and workshop complex at Mount Pua, Israel. In: 2nd International Conference of the UISPP Commission on Flint Mining in Pre – and Protohistoric Times, Oxford: Archaeopress, pp. 265-274.

25. Huckell, B.B. and Kilby, J.D., 2014. Clovis caches: current perspectives and future directions.

In: Graf, K.E., Ketron, C.V. and Waters, M.R. eds., 2014. Paleoamerican Odyssey. College Station: Texas A&M University Press, pp. 257-272.

26. Hurst, S., 2017. Territorial perspective on lithic caching: Insights from Garza Protohistoric (1450-1650 CE) caching strategies on the Southern Plains, USA. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1040618217303051>

27. Meltzer, D.J., 2009. First peoples in a New World: colonizing Ice Age America. Berkeley: University of California Press.

28. Peresani, M., 2009. The range of caching behavior among the past hunter-gatherers of Europe. In: Du matériel au spirituel: réalités archéologiques et historiques des "dépôts" de la Préhistoire à nos jours: XXIXe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Antibes, 2009, pp. 19-27.